

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

005007203

На правах рукописи

КАЛИНИНА
Ирина Всеволодовна

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА В КУЛЬТУРОЛОГИИ
(предмет и методы исследования)

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

12 ЯНВ 2012

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Санкт-Петербург
2011

Работа выполнена на кафедре культурологии
философского факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант

Солонин Юрий Никифорович
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет

Официальные оппоненты

Воробьёв Вячеслав Михайлович
доктор культурологии, доцент
Филиал Государственной академии
славянской культуры в г. Твери

Семёнова Валентина Ивановна
доктор культурологии, доцент
Тюменская государственная академия
культуры, искусств и социальных
технологий

Светлов Роман Викторович
доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет

Ведущая организация

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Защита состоится «16» февраля 2012 года в 15 часов на заседа-
нии совета Д.212.232.55 по защите докторских и кандидатских диссертаци-
он при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу:
199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, философский
факультет, ауд. 167

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горь-
кого Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «28» января 2011 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

А. А. Никонова

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена проблеме формирования в культурологии нового междисциплинарного направления исследований древнейших технологий в контексте смыслового содержания архаических культур, которое определяется автором как историческая семантика.

Актуальность исследования

Культурология с момента формирования в системе фундаментальных наук заявила себя как эмпирическая обобщающая (эмпирико-индуктивная) и общетеоретическая гуманитарная дисциплина. Проблема определения базового предмета культурологии до сих пор остается дискуссионной, но вместе с тем очевидно, что базовое понятие должно получить развитие в разных культурологических, интегративных по своей сути подходах к феномену культуры. Автор придерживается предложенного для культурологического знания особого познавательного ракурса, при котором предметом культурологии как научной дисциплины является *смысловое содержание культуры*¹. В данном исследовании рассмотрению подлежат системы смыслов, иначе – семантика архаической культуры.

Полностью разделяя научную позицию, согласно которой культура выражает «родовую специфику» и «предназначение человека», заметим, что для культурологии весьма актуальна проблема генезиса и первых этапов человеческой культуры. По материальным артефактам археологи имеют возможность наблюдать развитие человеческой культуры на протяжении тысячелетий, но механизмы генезиса и глобальных смен культур остаются непонятными. Интеграция научных знаний актуальна в настоящее время и для культурологии, и для археологии, способствует развитию гуманитарного знания в целом. Разработка проблемы трансляции культурной информации в архаических культурах может помочь, в частности, уточнению понятий, используемых в культурологических исследованиях. В свою очередь, культурологическое видение, возможно, будет содействовать поиску новых путей в исследовании и понимании археологических культур. Понятие «культура» в археологии является одним из основных, но используется

¹ См.: Резник Ю. М. Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект? // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. I: Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 26.

зачастую археологами лишь как рабочее понятие в классификационных штудиях.

В исторической семантике внимание сосредоточено на смыслах человеческой жизнедеятельности, которые находят отражение в предметах и явлениях культуры. Последние рассматриваются с точки зрения их создателей, другими словами человек, точнее его понимание своей деятельности, включены в предмет исследования. Для человека потеря смысла жизни равнозначна порой отказу от жизни. С утратой смыслов бытия невозможно воспроизводство культуры. Разрушение стереотипов традиционного поведения связано с потерей ориентиров, духовности культуры. В исторической семантике периферийный для гуманитарных наук вопрос о смысле жизни, относящийся к философии и религии, становится предметом научного рассмотрения.

В исторической семантике мировоззренческие универсалии исследуются в увязке с практической, а не с символической деятельностью. Изучению подлежат архаические смыслы вещей, а не архаическая символика – значения вещей как символов. Соответственно, областью научного интереса является образная система (семантика) культуры, а не знаковые коды (семиотика) культуры.

Генезис архаических образных смыслов восходит к началу человеческой культуры, изучаемой археологами. Вопрос о верхней границе решается не столь однозначно. Развитие древнейших цивилизаций, формирование мировых религий знаменуют начало конца архаики. Однако архаические образные представления остаются «материалом, на котором новая эпоха строит свои смыслы» (О. М. Фрейденберг). Мировоззренческие смыслы Средневековья изучаются в истории ментальностей, что не исключает возможного внимания к ним и с позиции исторической семантики. Наконец, некоторые навыки архаических технологий сохраняются до наших дней в традиционных культурах, где сфера интересов исторической семантики пересекается с этнографией. Таким образом, семантика архаической культуры – это прежде всего семантика дописьменных и традиционных культур, изучаемых в археологии и этнографии. В настоящее время, в условиях размывания границ между научным и религиозным сознанием, обращение к истокам человеческой культуры, изучение архаики становится особенно актуальным.

Степень научной разработанности проблемы

Современная культурология базируется на широком спектре информационно-семиотических концепций культуры, восходящих к идеям Л. Уайта и к тартуско-московской школе семиотиков Ю. М. Лотмана

и Вяч. Вс. Иванова, ориентирующих на понимание культуры как мира символов и знаков. Вместе с тем, разработка общей теории культуры в философии связана также с деятельностным подходом (Э. С. Маркарян, М. С. Каган, В. С. Швырёв). С позиции философско-мировоззренческой концепции человека главной категорией культуры является человек (С. Н. Иконникова), и сфера духовной культуры не может быть сведена к семиотическим процессам и знаковым системам (Ю. Н. Солонин). В отечественной философии общая теория культуры, как было отмечено Э. С. Маркаряном, не имела исходно столь тесной связи с этнографией, физической антропологией, археологией, лингвистикой и другими специальными науками, как в американском общественном знании.

Научное мировоззрение археологов и этнографов во второй половине XX века формируется под влиянием структурно-семиотических концепций, включающих идеи основоположника структурной антропологии К. Леви-Стросса. В археологии и этнографии широко используются понятия: культурные коды, культурный текст, бинарные оппозиции, «картина мира (модель мира)», в соответствии с пониманием знаковой сущности культуры. Понятие культуры как специфического способа человеческой деятельности, предложенное в 1969 году Э. С. Маркаряном, потребовавшее «более широкой трактовки также понятий “техника”, “технология”, которая не ограничивалась бы лишь материальной сферой техники и технологии»², в исследованиях духовных аспектов древнейших и традиционных культур не было реализовано.

В исторической семантике изучаются архаические мировоззренческие системы, проявляемые в стереотипах культурного поведения, а также навыки воспроизводства культуры, то есть, в широком смысле, технология культуры. Археологи в исследованиях памятников древнейшего искусства используют термин «семантика», не вспоминая о семантической теории Н. Я. Марра, получившей название «яфетическая теория» или «новое учение о языке». В настоящее время эта теория не только предана забвению, но само ее существование ставится под сомнение. Однако в начале 1970-х годов Ю. М. Лотман писал: «Изучения языка было принесено в жертву исследованию вторичных моделей культурологического типа. Но то, что делалось в этой области, заслуживает серьезного внимания»³. Тем не менее, с культурологической позиции теория Н. Я. Марра до сих пор не рассматривалась.

² Маркарян Э. С. Место и роль исследования культуры в современном общественном знании // ВФ. 1970. № 5. С. 110.

³ Лотман Ю. М. О. М. Фрейденберг как исследователь культуры // Труды по знаковым системам. [Т.] VI. Тарту, 1973. С. 482–483. (УЗ ТГУ. Вып. 308).

Исследования Н. Я. Марра опережали сложившуюся систему знаний. В лингвистике начала XX века возобладали идеи монодисциплинарной науки, тяготеющей к естественнонаучным методам, с жесткими дисциплинарными границами. Нелингвистическими объявлялись проблемы не только генезиса, но и социальной природы языка. Марр видел предмет исследования иначе; говоря современным языком, он видел языкознание как интегративную науку нового типа. Разрабатывая типологию языков с позиции идей системного анализа, он неизменно отстаивал исторический подход. Н. Я. Марр был убежден, что не «бог» и не «природа» являются творческой организующей силой, «человечество и в отношении речи не есть лишь пассивное создание... Не только наша судьба, но и наш облик, наша психика, наша речь есть создание самого человечества, как наше настоящее есть наше создание»⁴. Это положение явилось базисным в междисциплинарных исследованиях Марра.

Критике подвергались все разделы «нового учения о языке», но наиболее уязвимыми оказались методические принципы изучения языка в увязке с мышлением. Сама по себе проблема соотношения языка и мышления не была новой для философии со времен Аристотеля. Восстановление основных этапов развития человеческого сознания – от первичных комплексных восприятий до современных понятий – Э. Кассирер видел как общую задачу этнологии и лингвистики⁵. Логиками, лингвистами, философами разрабатывалась проблема так называемого семантического треугольника (Г. Фреге, А. Чёрч, Э. Гуссерль и др.). Однако у Н. Я. Марра понятие «семантика», выступавшее своего рода мостиком между языком и мышлением, служило инструментарием исследования. Интегративная по своей сути, его методика обнаруживает родство с методикой экспериментальных исследований Л. С. Выготского, доказавшего, что мышление и речь имеют генетически различные корни, хотя вместо понятия «семантика» Выготский использовал термин «внутренняя сторона слова»⁶.

Философами, антропологами, культурологами (Э. Кассирером, И. Г. Франк-Каменецким, К. Леви-Строссом и др.) первобытное, «дологическое», мифологическое мышление рассматривалось, как правило, с позиции только одного – знакоцентристского,

⁴ Марр Н. Я. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент // Избранные работы. Т. I. Л., 1933. С. 90.

⁵ Cassirer E. Sprache und Mythos: Ein Beitrag zum Problem der Götternamen. Leipzig: Berlin: B. G. Teubner, 1925. S. 12.

⁶ Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. С. 13–15.

структурно-семиотического или информационного подхода. В исследованиях Л. С. Выготского и его учеников знакоцентристский и деятельностный подходы к изучению генезиса мышления дополняют друг друга, поэтому теоретическое осмысление методологии семантического анализа видится весьма перспективным для культурологии. Н. Я. Марр в своих статьях и докладах неоднократно высказывал мысль о том, что «трудность восприятия нового учения о языке – в необходимости быть свободным от привычного нам мышления». Вопрос о новом типе научного мышления – проблемном, синтетическом (А. Я. Гуревич), культурологическом, интегративном (О. Н. Астафьева) – остается по-прежнему актуальным⁷.

В работах Н. Я. Марра нет определения понятий «семантика», «семантическая система», «семантический образ». Разработка этих понятий принадлежит О. М. Фрейденберг. Теория семантического образа является самым существенным ее вкладом в историческую семантику, при всей возможной критике отдельных положений этой теории. К исторической семантике имеет непосредственное отношение и научное наследие В. Я. Проппа, хотя термин «семантика» он использовал очень редко. Действия персонажей сказки были поняты В. Я. Проппом как функции – значимые единицы структуры сказки. Разработав принципиально новую методику изучения сказки, он тем самым открыл структуру технологии сказки. Оказалось, что методика, предложенная для изучения волшебной сказки, может иметь и более широкое методологическое значение. Эта методика предопределила семантико-технологический подход в исторической семантике.

Для Н. Я. Марра и О. М. Фрейденберг семантика, выполняющая роль методологического приема изучения языка и раннегреческой литературы, не стала предметом специального изучения. Проблема генезиса и трансформации мировоззренческих смыслов архаических культур находилась вне их профессиональных интересов. Историческая семантика не была еще востребована и не рассматривалась как самостоятельная научная дисциплина.

Целью диссертационной работы явилась разработка исторической семантики в качестве раздела культурологической науки, с точки зрения ее предмета и теоретико-философских оснований, а также

⁷ Марр Н. Я. Постановка учения об языке в мировом масштабе // Избранные работы. Т. IV. Л., 1937. С. 61; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. С. 106; Астафьева О. Н. Культурология как дисциплинарная загадка: Материалы круглого стола // ВК. № 11. 2010. С. 110.

обоснование методологии исторической семантики как культурологической дисциплины. Для этого потребовалось решить следующие исследовательские *задачи*:

- выделить предметную область исторической семантики;
- рассмотреть зарождение и формирование теоретических предпосылок исторической семантики;
- выявить специфику методологических проблем;
- разработать понятийно-терминологический аппарат;
- выяснить структуру мышления, свойственного практической деятельности, и сопоставить его с так называемым мифологическим мышлением;
- рассмотреть отличия семантического образа от понятия и художественного образа;
- разработать типологию и выявить семантику доминантных образов архаической культуры.

Источниковедческая база исследования

Эмпирическую базу составляют археологические и этнографические источники, в ходе комплексного изучения которых был определен культурологический ракурс исторической семантики. Выбор источников обусловлен, с одной стороны, профессиональными интересами диссертанта, специализирующегося на исследовании технологии неолитической керамики лесной зоны Евразии, с другой стороны, – задачами культурологического исследования. В результате изучения археологических артефактов, хранящихся в музейных собраниях и в фондах академических учреждений городов: Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Казани, Перми, Екатеринбурга, Нижнего Тагила и Сакура (Япония), а также этнографических материалов по традиционному гончарству, собранных автором в результате посещения ремесленных керамических центров в Японии и во время поездок к гончарам Прикарпатья, Закарпатья, Белоруссии и Литвы, стало возможным культурологическое определение понятия «навык» – одного из основных понятий исторической семантики.

В исследовании привлекались также сравнительные материалы структурно-семиотических культурологических изысканий лингвистов, филологов, фольклористов, этнографов, археологов (Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, А. К. Байбурина, Д. С. Раевского и др.). В работах этих исследователей не только выявлен и систематизирован огромный пласт

древностей, представляющий интерес с точки зрения исторической семантики, но и сформулированы теоретические положения, позволяющие четко разграничить аспекты изучения феноменов архаической культуры в семиотике и в исторической семантике. Проблема преемственности образных смыслов археологических и этнографических феноменов рассматривается на примере традиционного орнамента обских угров, наиболее изученного в настоящее время с семантической точки зрения. Обращение на пути поиска понимания содержания и трансформации архаических образов к обрядам, связанным со стрелой, вызвано тем, что стрела – один из древнейших, сохраняющийся в традиционных обществах до современности артефакт культуры.

Методологические основы и методика исследования

Историческая семантика выделена в системе наук о культуре как междисциплинарное направление исследований, сосредоточенное на изучении смыслов архаических культур, проявляемых в практических знаниях, навыках и культурных традициях. Исследования по исторической семантике являются комплексными и многоуровневыми. Среди разных культурологических теоретико-методологических подходов особое место занимает системный подход. Этот подход, в современной его модификации – синергетический, направленный на изучение целостных и развивающихся объектов, выступает по отношению к более частным общенаучным методам как философско-методологический (М. С. Каган, Е. Я. Режабек). В методологии исследований по исторической семантике наряду с системным подходом были реализованы идеи и принципы деятельностного (Э. С. Маркарян) и историко-типологического (Б. Н. Путилов) подходов. Кроме указанных, для изучения семантики архаических культур автор диссертации предлагает новый подход, названный им *семантико-технологический*⁸, ориентированный на развитие методов получения сведений о древних навыках труда в контексте архаического мировоззрения.

В семантическом исследовании впервые представлен метод экспериментально-физического моделирования, ранее применявшийся историками материальной культуры для изучения только древних

⁸ Ранее автор в ряде статей использовал для этого подхода название «семантико-функциональный». См., напри-: Принципы функционально-технологического подхода в семантических исследованиях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. 1995. С. 7–12.

технологий. Историко-типологический метод явился ведущим в выявлении культурных универсалий. В определении образных смыслов стрелы в обрядах руководствовались методом тройного параллелизма (А. Н. Северцов): этнографические артефакты рассматривались в сопоставлении с фольклорными и лингвистическими данными. Для реконструкции семантики древних орнаментальных мотивов был использован номинативный метод.

Научная новизна и результаты исследования

- Выделен предмет исследования исторической семантики: целостное изучение артефактов архаической культуры в единстве их материальных и духовных аспектов.
- Разработаны основы понятийно-терминологического аппарата, позволяющие совмещение эмпирических исследований с теоретическим языком культурологии.
- Определены основные понятия исторической семантики: «навык» – *стереотипы поведения* и «семантический образ» – *смыслы жизнедеятельности*. Через эти понятия, с одной стороны, возможен деятельностный подход к феноменам культуры, с другой стороны, появляется возможность изучения древнейших технологий в увязке с архаическим мировоззрением.
- Новые культурологические понятия «навык» и «семантический образ» вводят в контекст исследования понимание культуры ее носителями и открывают перспективы для изучения генезиса и механизмов трансляции культурной информации.
- Культурные универсалии в исторической семантике находят новое объяснение с позиции образных смыслов жизнедеятельности, а не коллективного бессознательного и архетипов сознания.

Предложенный семантико-технологический подход к артефактам архаической культуры позволил:

- выяснить взаимосвязи традиционных навыков с образными смыслами жизнедеятельности;
- разработать методы изучения древних технологий как явлений культуры;
- выявить концептуальные различия между семантическим и художественным образом;
- выявить структуру и содержательные аспекты деятельностно-практически ориентированного мышления в сопоставлении с мифологическим;

- определить доминантные образы архаических культур;
- выделить две различающиеся по структуре образные системы, характеризующие развитие семантики архаических культур;
- раскрыть содержание семантики архаических воззрений о жизни–смерти.

Основные научные положения, выносимые на защиту:

1. Концепция символической природы культуры и сознания не раскрывает смыслового содержания архаической культуры и деятельность-но-практически ориентированного мышления.

2. С позиции методологических принципов исторической семантики возможно конкретно-историческое исследование мировоззренческих смыслов архаических культур.

3. Семантико-технологический подход предусматривает новую постановку проблемы генезиса и трансляций культурных традиций, позволяет по-новому рассмотреть вопрос о механизмах культурно-исторической преемственности.

4. Концептуально-основополагающими для исторической семантики являются следующие положения:

- архаическая семантика соответствует практическим знаниям, отличающимся по структуре от теоретических знаний;
- семантические образы адекватны человеческой жизнедеятельности;
- мифологическое и образное мышление, свойственное практической деятельности, принадлежат одному наглядно-ситуационному типу мышления.

5. Развитие семантики архаических культур определяют две образные системы – тотемическая и космологическая, которые, несмотря на преемственность образов, различаются по структуре. I семантическая система отражает опыт социального бытия человеческих коллективов в мире животных. Генезис II семантической системы восходит к периоду формирования сословно-стратифицированных обществ.

6. Образные концепции жизни–смерти, иначе – концепции бытия, являются первичными мировоззренческими универсалиями архаических культур. Воззрения о жизни–смерти определяли с древнейших времен духовность архаических и традиционных культур, глубинные смыслы их мировоззрения.

7. Семантическое направление изучения феноменов культуры – научное наследие «школы академика Н. Я. Марра» – востребовано на

современном этапе развития гуманитарного знания. Обращение к семантике вызвано актуальностью для культурологии проблемы смыслового содержания культуры.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования

Теоретическое значение результатов исследования заключается в том, что они представляют основу для дальнейшего развития современных концепций истории культуры и открывают новое направление культурологических исследований. На базе материалов диссертации может быть построена новая образовательная дисциплина – историческая семантика, углубляющая специализацию культурологов в направлении исследования механизмов культурной динамики.

Прикладное значение исследования определяется возможностью использования содержания и выводов диссертационной работы при подготовке и чтении базовых и специальных курсов по культурологии и смежных с ней дисциплин: философии культуры, религиоведению, искусствоведению, этнографии, археологии. Материалы диссертации могут также найти применение в разработке концепций музейных экспозиций, посвященных как древнейшим этапам становления человеческой культуры, так и духовной культуре традиционных обществ.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования изложены в монографии автора и в 48 статьях. Положения диссертации обсуждались на международных и региональных конференциях: Международная конференция по первобытному искусству (Кемерово, 1998), Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения С. А. Семенова (СПб., 2000), I–III Международные Северные Археологические конгрессы (Ханты-Мансийск, 2002, 2006, 2010), XV–XVII Уральские археологические совещания (Оренбург, 2001; Пермь, 2003; Екатеринбург, 2007), XIII Западносибирская археолого-этнографическая конференция (Томск, 2005), Международный научно-практический керамологический семинар (Опошня, 2008); на ежегодных научно-методологических семинарах: «Тверь и сопредельные территории в древности» (Тверь, 1994–2009), «Теория и методология архаики» (СПбГУ, 1996–2003; 2010), а также на заседаниях Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. В 2003 году студентам

Тюменского государственного института искусств и культуры был прочитан разработанный автором спецкурс «Введение в историческую семантику».

Структура работы

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, включающей более 600 наименований на русском и иностранных языках, и альбома иллюстраций со списком иллюстраций и рисунками к третьей и пятой главам.

Основное содержание работы

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, определяются предмет и проблемы исследования, формулируются цель и задачи диссертационной работы.

ГЛАВА 1. Предпосылки исторической семантики в трудах Н. Я. Марра, О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппа. Глава посвящена теоретическим основам исторической семантики, восходящим к научному наследию Н. Я. Марра, О. М. Фрейденберг, В. Я. Проппа.

1.1. Новое учение о языке Н. Я. Марра

Н. Я. Марр на первый план выдвигал изучение генезиса языка, считая вопрос о его происхождении кардинальным, вопреки взглядам оппонентов, полагавших, что это не решаемый лингвистами вопрос. Марр придерживался труд-магической концепции происхождения языка, связывал генезис мышления и языка с производством. Он отрицал существующую классификацию языков, видел многообразие языков как единый глоттогонический процесс. Индоевропейские языки Марр относил к «новой типологической трансформации». Он предлагал отказаться от термина «семья языков» в пользу «системы», вместо «родства языков» ввел понятие «скрещивание языков». Н. Я. Марром ставилась задача выявления качественно отличных состояний (ступеней, стадий) языка, отражающих реальный исторический процесс, сложные жизненно-конкретные взаимоотношения языков. Изучение языка, согласно Марру, следует вести с учетом «увязки звуковой речи с социально-экономическими условиями жизни не как исторической обстановкой, а как языкотворческими

факторами». Языки сравниваются уже не как единые массивы, а с учетом разных слоев, имеющих в них.

Н. Я. Марр предлагал изучение языка в увязке с мышлением, подчеркивая конструктивную роль последнего. Объектом научного изучения у Н. Я. Марра является семантика языка, а не сами по себе языковые формы. Марр наряду с формальным анализом ввел семантический, когда созвучие проверяется, по законам палеонтологии речи, значимостью слова, и еще один, также семантический, но более сложный анализ, когда значимость «проверяется или удостоверяется, прежде всего, историею материальной культуры, равно историею общественных форм и затем историею надстроечных социальных категорий, искусства, художеств и т. п.». Особое внимание он уделял археологии, которая, по его мнению, «при правильной ее постановке, единственно признана и способна дать действительный учет всего того, что дали старые культуры человечеству». Но при этом Марр считал, что семантика и палеонтология – это «область чисто лингвистических достижений яфетической теории». С позиции исторической семантики, очевидно, что у Н. Я. Марра иной, отличающийся от языкознания, предмет исследования. В исследованиях языка так или иначе затрагивались методологические принципы и проблемы исторической семантики.

1.2. Н. Я. Марр и культурологическое знание

Концепция Н. Я. Марра, по своему масштабу (содержанию, конструктивным принципам) выходящая за рамки языкознания, была полностью исключена не только из языкознания, но и из культурологии. Ю. М. Лотман, один из основателей структурно-семиотического направления исследований культуры, считал широту научной постановки вопроса «бесспорной заслугой» концепции Н. Я. Марра, но вместе с тем утверждал, что ставилась задача, для решения которой еще не было методов. Выработка метода культурологии могла быть осуществлена лишь на основе временного сужения задачи. Глава тартуской школы семиотики подчеркивал, что только синхронное описание отдельных знаковых систем могло открыть пути к семиотическому изучению культуры как целого.

Новая наука – семиотика – претендовала не только на изучение духовной культуры, но и на исследование семантики. Ю. М. Лотман писал: «Говоря об исторических корнях структурно-семиотических исследований, мы считаем необходимым напомнить, что структуральный метод, прежде всего, изучает значение, семантику литературы, фольклора, мифа». Марровская методика семантического анализа оказалась

невысказанной. Структурные методы изучения языков, напротив, получили поддержку и развитие в зарождающемся семиотическом направлении исследований культуры.

1.3. Семантическая теория О. М. Фрейденберг

О. М. Фрейденберг разделяла научные взгляды Н. Я. Марра. Филолога-классика привлекал прежде всего методологический аспект учения Марра. О. М. Фрейденберг считала, что «самое существенное в теории Марра тот водораздел, который она образовала между формальным и семантическим подходом к проблеме формы». В своих работах она уделяла проблемам семантики и формообразования особое внимание и, в отличие от Марра, который избегал определений научных терминов, разрабатывала понятийный аппарат семантического исследования. По О. М. Фрейденберг, *семантика – первичная система мировоззренческих значимостей*, – система «непроизвольно сложившихся осмыслений окружающего мира». Первоначально миф, как писала Фрейденберг, не несет повествовательных функций; мифом служат и действия, и вещи, и сознание первобытного человека, которое принято называть мифотворческим. Первобытным сознанием, с точки зрения О. М. Фрейденберг, мир воспринимался в тождествах и повторениях.

В понимании характера первобытного мышления О. М. Фрейденберг следовала за Марром, который полагал, что «доисторический человек представления имел образные, ассоциации у него были в образах». Однако она не соглашалась с Марром, когда он усматривал зарождение образных смыслов в сфере производства, и отрицала, что первобытное сознание могло понимать производственную функцию. О. М. Фрейденберг была убеждена в наречении предметов метафорически, без всякого отношения к их реальной функции в производстве. По ее мнению, мифотворческое сознание не могло сконструировать мир, который сколько-нибудь бы походил на окружающую человека действительность.

1.4. Концепция семантического образа О. М. Фрейденберг

Согласно О. М. Фрейденберг, образ – это познавательная категория. В основе образа – некое осмысление действительности. Формой образа является метафора, все метафоры одного образа семантически равны. Наряду с термином «метафора» О. М. Фрейденберг использовала термин «тотем». Тотем первобытному охотнику представлялся в виде зверя, был соотнесен сознанием с реальным зверем, но само представление о тотеме было, по мнению О. М. Фрейденберг, совершенно не реально. Первобытный человек замечал только то, с чем непосредственно имел

дело: природа в его сознании была слита со зверем. О. М. Фрейденберг была убеждена, что первобытно-охотничий коллектив находился в состоянии постоянной и ожесточенной борьбы, и у первобытного охотника борьба является «единственной категорией восприятия мира», «единственным семантическим содержанием его космогонии». Древнейшие мифологические метафоры: 'шествие', 'борьба', 'разрывание'⁹ воспроизводились в действиях – первобытных обрядах.

По О. М. Фрейденберг, ранняя человеческая история делится на две крупные фазы – на «дородовую» и «родовую». В дородовую (доземледельческую) эпоху центральный образ являет собой разрывание зверя на части и пожирание его всем коллективом. Представление о «боге-звере» не исчезает с возникновением новых земледельческих представлений о «боге-хлебе», и «бог-хлеб» остается «богом-зверем».

Н. Я. Марр в развитии мышления выделял две ступени: образную и понятийную. По мнению О. М. Фрейденберг, античность является эпохой, когда мифология принимает характер фольклора, мышление образами преобразуется в мышление понятиями. О. М. Фрейденберг интересовал общий закон формообразования. Разновременный семантический материал, предшествующий античности, она рассматривала обобщенно, настаивая на том, что «обобщающая мысль не мыслит в конкретном прошлом».

1.5. Научное наследие В. Я. Проппа и историческая семантика

Семантическая теория мало интересовала В. Я. Проппа – фольклориста. Он избегал использовать термин «семантика», и к выводам О. М. Фрейденберг по семантике относился резко отрицательно. Даже такой обычный для фольклористов термин как «образ», В. Я. Пропп заменял на «персонаж», «действующее лицо» сказки. Тем не менее, он писал: «имя „Иван“ есть имя типа, а не лица», и в работе «Исторические корни волшебной сказки» представил историко-типологическое исследование образов фольклора, имеющее принципиальное значение для исторической семантики.

В. Я. Пропп предложил принципиально новую методику изучения сказки «по поступкам действующих лиц независимо от их облика». Действия персонажей сказки были теоретически осмыслены В. Я. Проппом как *функции – значимые единицы структуры сказки*. Методика, предложенная Проппом для изучения волшебной сказки, имеет и более

⁹ Здесь и далее «марровские» кавычки используются для выделения архаических образных смыслов.

широкое – методологическое – значение. Эта методика непосредственно предопределяет семантико-технологический подход, отвечающий задачам семантических исследований в исторической семантике.

1.6. Историческая семантика или семантика культуры

Н. Я. Марр и О. М. Фрейденберг обратились к изучению семантики, каждый в своей области специальных научных дисциплин – языкознании и филологии. Для общего названия семантических исследований они использовали термин семасиология. В культурологии для нового междисциплинарного направления исследований нами предложено наименование *историческая семантика*. Решающим аргументом в выборе названия послужила мысль В. Я. Проппа, что семантика может быть только исторической. Как синоним исторической семантике был бы правомерен и термин «семантика культуры» в противопоставлении «семиотике культуры», но при этом потребовалось бы уточнение, что имеется в виду семантика архаической культуры.

ГЛАВА 2. Историческая семантика как культурологическая дисциплина. В этой главе рассматриваются концептуальные основы и методологические принципы исторической семантики.

2.1. Историческая семантика и семиотика

Историческая семантика и семиотическая семантика имеют разные, по определению, предметы изучения. Семиотика изучает символы культуры, знаки и культурные тексты, а историческая семантика – семантические образы и навыки. В семиотике выделение знакового аспекта культуры, исследование «жизни знаков внутри общества» подразумевает абстрагирование, рассмотрение культуры вне людей, ее наследующих и воспроизводящих. В исторической семантике культура исследуется с точки зрения осмысления ее носителями. Изучению подлежат практические знания – «знания об умении» – в системе образных смыслов архаической жизнедеятельности.

В семиотике первичные мировоззренческие смыслы понимаются как мифологическая картина мира – классификационные универсалии архаического сознания. Закономерности архаического мышления характеризуются формальной сеткой бинарных оппозиций. С позиции исторической семантики, содержание архаических мировоззренческих смыслов определяет архаическая концепция бытия – «жизни–смерти».

2.2. Практические знания и навык

В отличие от теоретических, особенности практических знаний во многом остаются не раскрытыми. Считается, что практические знания представляют собой эмпирический, более низкий уровень знаний. Научные знания основываются на изучении физических и химических свойств, законов, тогда как технологии развиваются путем постепенного накопления эффективных для конкретных практических ситуаций рецептов. Согласно семиотической концепции, «ритуал породил технологию».

Семантико-технологические исследования предусматривают изучение технологий во взаимосвязи с мировоззренческими смыслами. В этом направлении исследований понять факт другой культуры – это значит понять, как видел, понимал вещь (технологию ее изготовления и назначение) создатель вещи; как понимал обряд тот, кто его совершал; как понимал фольклорный текст воссоздающий его сказитель, певец. В системе практических знаний понимать – значит уметь сделать. Необходимо, следовательно, изучение того, что и как делал первобытный человек.

В исторической семантике навык рассматривается как стереотип поведения, то есть умение. Личностный характер профессиональных навыков является отличительной особенностью практических знаний. В основе обретения навыка – подражание действиям учителя, ориентация на образец, «уподобление образу». Эмпирический способ передачи практических знаний – это передача не только опыта, но и профессиональных качеств личности. Навыки ориентированы на образец – действия учителя, «деяния предков», в Средневековье – «божественное творение». Сформировавшийся навык автоматичен и неосознан, на физиологическом уровне подобен поведенческим реакциям в мире животных. Автоматизм ремесленных действий, осуществляемых без участия сознания («руки сами делают»), определяется структурой образной памяти. Навык входит в структуру личности, для разрушения навыка требуется сознательное целенаправленное усилие. Навык труда соотносится, можно предположить, с целостными динамическими моделями образной памяти.

2.3. Практическая деятельность и мышление

Понятия, которыми оперирует наука, представляют собой абстрактные обобщения. Понятие включает характеристику предмета, явления со стороны признаков, образ характеризует предмет, явление со стороны действия. Только с учетом различий в структурных основах образа и понятия возможен «перевод» образов на язык понятий.

В формально-логическом мышлении Н. Я. Марр видел не высшее достижение, а лишь определенный, исторически ограниченный тип мышления. Практической деятельности свойственно образное мышление, связанное с воспроизводством в памяти конкретных ситуаций. Ситуационный тип обобщения, в котором находят проявление связи явлений, предметов в практической деятельности с изменением условий жизни, уступает место категориальным классификациям с абстрагированием тех или иных признаков предметов.

2.4. Мифологическое мышление

С практической деятельностью, очевидно, связано и мифологическое мышление, которое с этой точки зрения, однако, не рассматривалось. Конструктивные особенности архаического мышления выводились на основании изучения вербальных текстов, исходя из логики современного научного мышления. Но мифы не читались – они изображались, разыгрывались в действиях. В мифологическом мышлении образы взаимосвязаны по действию, другими словами, – функционально. Мифологическое мышление и образное мышление, свойственное практической деятельности по структурно-моделирующим особенностям, представляют, очевидно, один, а именно – предметно-ситуационный тип мышления.

Мифологические образы воспринимаются современным сознанием как фантастичные, иррациональные. Непонятные с нашей точки зрения, архаические образные представления адекватны иным формам практики. Миф стал восприниматься вымыслом, фантазией при расхождении практических и теоретических знаний, в исторически новых формах жизнедеятельности.

2.5. Жизнедеятельность и мировоззрение

В мифах фантастичными видятся в первую очередь взаимоотношения человека и зверя. При конкретности архаического мышления у человека, живущего в природной среде, бок о бок со зверем, образы зверей-тотемов далеки, казалось бы, от реальности. При всех различиях в определениях понятия «культура» исследователей, как правило, объединяет понимание взаимоотношений человека и природы в категориях борьбы – подчинения. В природе экологическое равновесие определяется поведенческой адаптацией разных видов животных друг к другу, их взаимодействием. Это дает основания предполагать, что основой формирования образных представлений у первобытного человека являются сложные, определяемые не только «борьбой» экологические

взаимосвязи человека со зверем. Между человеком и животным возможно определенное понимание и взаимодействие, в этом нет ничего сверхъестественного. Образная память свойственна как человеку, так и животным. У человека знание повадок, поведения зверя связано с развитием наблюдательности, присущей также животным.

Трудовой теорией антропогенеза внимание исследователей сосредоточивалось на искусственной, орудийной деятельности первобытного человека. Современные трасологические исследования, показавшие широкое использование природных форм в качестве орудий и бытовых предметов, изменяют взгляды на соотношение природных и искусственных компонентов в первобытной культуре. Человек, создавая искусственные формы, не противопоставлял их природным. До тех пор, пока природная среда выполняла функцию культурной среды, жизнедеятельность человека встраивалась в нее. В первобытном сознании формы и функции орудий были связаны с образом зверя. Навыки труда формировались в рамках тотемического мировоззрения.

2.6. Семантический и художественный образы

Человек отличается от животных осознанностью поведения. Уже у древнейшего человека образы мышления – это семантические образы. Жизнедеятельность человека изначально осуществлялась в культурной среде, и семантические образы определяют не природные механизмы мышления, а формы (типы) культуры. Культурная (семантическая) осмысленность человеком своей жизнедеятельности характеризует новый вид организации жизни на Земле. Для животных недоступно понимание смысла их жизни, для человека потеря смысла жизни равнозначна отказу от жизни.

Исследователи мифологической школы утверждали, что образы архаического сознания по своей сути – художественные образы. Художественные образы отличаются от семантических образов архаической культуры двупланностью смыслов. Метафоричность, ассоциативность, характерные для художественных образов современного искусства, не свойственны образному мышлению, связанному с практической деятельностью.

2.7. Две архаические образные системы

Выделение семантического образа в качестве единицы анализа позволяет поставить вопрос об исторической типологии образов. Действия, характеризующие образы, названы мною *семантическими функциями*. Семантическая функция является основополагающим

типоразличительным признаком. В соответствии с семантическими функциям выделено три типа образов: *тотемы*, *надтотемы* и *верховные (небесные) божества*, известные как персонажи, действующие лица в мировом фольклоре – мифе, сказке, эпосе.

Функциональные связи образов определяют структуру и смысловое содержание архаических образных систем. Выделены две системы образов: *I семантическая система – тотемическая* – соответствует родовому строю, *II семантическая система – космологическая* – формируется на стадии образования стратифицированных обществ. Образы-тотемы: 'зверь', 'дерево', 'гора', 'солнце' принадлежат I семантической системе. Образы 'Мирового дерева', 'Мировой горы', 'Неба-отца', 'Земли-матери' являются образами II семантической системы. Доминантные образы тотемической образной системы, иначе – мировоззренческие смыслы, определяет архаическая «концепция бытия» – представления о жизни–смерти. Образы космологической системы связаны с архаической «картиной мира» – представлениями о строении мира. Изменения семантики предопределены усложнением социальной структуры архаических обществ.

В рамках семантических систем образы функционально (типологически) подобны, представляют собой либо *семантические эквиваленты* (исторические формы тотемов), либо *семантические варианты* (разные способы воплощения образов). Так, типологически сходны образные представления о звере-тотеме и дереве-тотеме. То же сходство обнаруживают образные представления о родовой горе. 'Зверь', 'дерево', 'гора' являются семантическими эквивалентами – образами, стадийно сменяющими друг друга. К тотемическим восходят и представления о солнце как о животном. Рог–клык–коготь или плод–семя–ветвь представляют собой семантические варианты. В фольклорных традициях вариантом плода выступают зерно, горошина, шишка, орех, сосновая игла, лист и т. д.

Семантические функции восходят к естественным социально-биологическим взаимосвязям типа зверь – звереныш, а также к естественным функциям когтей, рогов, зубов у зверя для защиты и нападения, добывания пищи, устройства своего жилища. Семантические эквиваленты, сохраняя функции, тем самым сохраняют формальную структуру образных систем на всем протяжении их бытования. Стадийно более поздним образам присущи и новые семантические функции, но новые функции не исключают старые.

Древнейшая семантическая функция – функция 'защиты' – связана с образом тотема. Прошедший инициацию мужчина уподоблялся

‘зверю-самцу’. ‘Матери’, по семантике, принадлежала функция ‘кормления’. Архаическая действительность – сосуществование человеческих коллективов с сообществами животных – определяла формирование представлений о двух ипостасях человека-зверя. Звериная ипостась мыслилась как ‘старшая’. Род матери – это ‘старший’ род (‘старший’ = ‘защитник’).

Слитность образа и функции находит проявление не только в образных представлениях о двух ипостасях зверя-тотема, но и в понимании смерти как ‘смены облика’: жизнь → смерть = смена функций → ‘превращение’. Со сменой облика ожидалось изменение поведения. Смерть как ‘смена облика’ мыслилась ‘превращением в зверя’. Умершего ‘превращали’ в зверя, заворачивая в шкуру тотемного животного. При этом исполнялись тотемические пляски и песни, имитирующие движения, звуки, издаваемые животными.

‘Жизнь-смерть’ в тотемической образной системе мыслилась как ‘путь’. Зверь ‘уходит’ и ‘приходит’. Смерть представлялась ‘уходом’ в звериную ипостась. Рождение, напротив, мыслилось как ‘приход’ – ‘возвращение’ в род в звериной ипостаси и последующая смена облика. Новорожденный представлялся ‘зверем’, равно ‘умершим’. До определенного, фиксируемого в обрядах момента ребенок считался пребывающим в звериной ипостаси.

Представления о смерти ‘уходе/приходе’ в звериной ипостаси сменяют представления о смерти ‘поглощении/рождении’. Для ‘возрождения’ надо было ‘пройти через чрево тотема’. Умерший поедался – ‘поглощался’ тотемом. В мифах и обрядах для зачатия необходимо ‘поглотить’ – съесть, равно полизать, либо части зверя-тотема, предка, либо плоды, семена, части деревьев, в некоторых традициях – камень (гальку). Семантическим вариантом является стегание невесты для ‘плодовитости’ ветвями деревьев.

Последующее рождение в роде требовало убийства тотема, которое рассматривалось как добровольный ‘приход’ зверя ‘в гости’. С убитого зверя снимали шкуру – ‘раздевали’ по правилам. Его ‘угощали’, ‘расспрашивали’ (гадали), кто из умерших родственников вернулся, чтобы дать его имя новорожденному.

Для ‘жизни’ рода поглощение тотема представлялось необходимым. Вместе с тем убийство тотемного животного считалось невозможным, равно как и убийство сородича. Однако на территории рода право охоты имели представители родов других тотемов, связанных с данным родом браками. Взаимобрачующиеся роды были связаны обязательствами взаимного кормления и гостеприимства. Убитое животное

передавалось роду жены (матери) – правило, сохраненное обычаем в ряде случаев в отношении первого животного, убитого юношей.

Зверь может быть убит только тогда, когда он захочет быть убитым, добровольно выйдет навстречу, когда охотник ‘знает’ зверя и зверь ‘знает’ охотника. Проводят инициацию, обучают охоте – ‘знанию зверя’ представители рода будущей жены юноши. По происхождению род этот был связан с родом его матери. Юношу на охоте сопровождал помощник – брат девушки, предназначенной ему в жены. Типологические параллели усматриваются в семантике образа зооморфного побратима – помощника героя волшебной сказки, а также дружки – персонажа свадебных обрядов.

Жизнь–смерть тотема является содержанием семантики I образной (тотемической) системы. Содержание семантики II образной (космологической) системы – это мироустройство, «картина мира». В условиях усложнения материального производства, с наступлением эпохи металла родовые (тотемические) концепции «жизни–смерти» начинают уступать место концепциям творения, сотворения мира. Если у обществ с тотемическим мировоззрением природная среда выполняла функции культурной среды, то стратифицированное общество живет в искусственно создаваемой среде – «картине мира», являющейся зримым воплощением образных представлений.

В космологической образной системе тотема-зверя сменяет надто́тем-Змей, родовое дерево – Мировое дерево, родовую гору – Мировая гора. Новыми образами, сосуществующими с надтотемами, являются: ‘Отец-небо’, ‘Мать-земля’ и ‘сын Неба (верховного божества)’.

На стадии формирования II семантической системы архаические образы претерпевают существенные изменения. В космологической системе происходит трансформация тотемических образов: ‘женское’ обретает хтоническое значение, а ‘мужское’ – небесное. Функция ‘кормления’, исторически связанная с образом ‘матери-кормилицы’, переходит к ‘отцу-кормильцу’. Переход этот фиксируется по атрибутам, цветовой символике, элементам обрядов. На первый взгляд они непонятны, зачастую интерпретируются как «забывание смыслов обрядов», которые, тем не менее, имеют определенную семантику. Естественная взаимосвязь функции ‘кормления’ с зачатием и рождением ребенка воплощается теперь в образе ‘отца-прародителя’.

Установление миропорядка, мироустройства определяется деятельностью ‘сыновей’ верховного божества, спущенных с небес. Образ ‘сына’ в космологической системе отличен по семантике от образа ‘ребенка рода’ в тотемической системе. ‘Сын’ – ‘юный’, ‘вновь рожденный’

(прошедший инициацию) юноша: молодой, неженатый воин-богатырь. 'Сын' подобен 'небесному отцу', он преемник его 'мужской силы'. Отец' и 'сын' различаются не по возрасту, а по функциям: быть 'старым' означает находиться в 'пассивности', 'покое', быть 'юным' – пребывать в 'активности'. В отличие от 'отцов-старцев', 'сыновья' вечно воюют.

Близостью к божеству-предку утверждается правомочность власти. Сакральный властелин обладает ('заключает в себе') 'силой'. 'Сила' рассматривается не как индивидуальная черта личности, а как проявление наследуемого, «передаваемого» свойства. 'Сила' могла быть «отвоевана». Свойственные родовому мировоззрению представления о чужом как потенциально опасном уступают место воззрениям не только позволяющим, но и возводящим в доблесть присвоение 'чести', 'славы', 'жизненной силы', отнятых у прежних 'хранителей'.

В стратифицированном обществе изменяется отношение к вещам: вещи обретают семиотический статус. Тотемические родовые обереги (клыки, когти и т. п.) становятся символами 'власти', 'силы', 'славы'. На смену натуральным атрибутам тотемических образов приходит металл. По семантике, металл связан с образом верховного божества, с представлениями о 'сиянии', 'блистательности' сакральной власти.

В космологической образной системе изменения претерпевают не только образы и семантические функции, но изменяется и структура семантики в целом. В воззрениях I семантической системы дуальность, оппозиции отсутствуют, и, напротив, II семантической системе свойственна дуальность. Формируются оппозиции: мужское / женское, высокий / низкий, центр / периферия и т. д. Оппозиции наблюдаются буквально по всем культурным параметрам, что послужило основанием для понимания рядом исследователей бинарных оппозиций как проявления врожденных особенностей человеческого мозга.

Тотемы в архаических мифах не противопоставляются друг другу в качестве положительных и отрицательных персонажей. Надтотемы, в частности Змей, – противники 'Сыновей' верховного (небесного) божества. В волшебной сказке и эпосе наличествуют два противоборствующих мира – положительных героев и их противников. Женитьбе в эпосе предшествует 'выезд' героя и убийство хтонического чудовища.

Космологическую образную систему определяют взаимосвязанные мифологемы: «змееборство» – «раскалывание Мировой горы» – «отделение Неба от Земли». Структурные отличия космологической системы от тотемической столь значительны, что не может быть и речи об эволюционном преобразовании одной системы в другую. За противостоянием двух образных систем усматривается некий

мировоззренческий конфликт, определивший генезис формирования II образной системы.

II семантическая система формируется в переходный период от родовых к сословно-стратифицированным обществам. В родовом обществе 'мать', 'брат матери' являлись традиционными обладателями прав рода, 'носителями жизни рода'. Родство по матери – это тотемическое родство. Между 'сыном' и 'отцом' связь патронимическая, они носители 'мужской силы' – 'силы Великого предка'. У небесных 'сыновей' – земная 'мать'.

В мировом фольклоре соединение 'Неба' и 'Земли' осуществляет Змей. Змей – 'сын Земли'. Противником Змея выступает 'Сын' Солнца (Неба), верховного божества, по материнскому счету родства, как выясняется, тоже Змей. На родовой стадии развития представлений получение потомства зависит от родовых предков-тотемов, на стадии потестарных обществ – от надтотемов. В мифах рядом с женским персонажем видим наличие двух мужских враждующих персонажей: Змея, 'запирающего плодородие', и его Противника. В свадебных обрядах рядом с невестой находится ее брат, противостоящий жениху. Выскажем предположение, что образ Змея воплощает мужскую часть рода невесты, представляет его зооморфную ипостась. Надтотемы, по семантике – 'добрачные мужья' невесты, являются 'соперниками' ('противниками') 'сыновей-женихов'. Змей, равно хтонические персонажи мирового фольклора, сохраняет от архаических тотемов не только зооморфные черты, но и функцию 'наделения плодородием'.

За борьбой небесного и хтонического начал видится конфликт интересов двух типов социальной организации обществ переходного периода. Две архаические мировоззренческие концепции: «жизнь–смерть тотема» и «строение мира» определяют неоднолинейность и противоречивость развития космологической семантики.

2.8. Семанτικο-технологический подход

В современной культуре человек считает вещь известной ему, когда он знает достаточное количество ее признаков, свойств, позволяющих отличить вещь от любых других и использовать ее¹⁰. Архаическое понимание вещей соответствовало функциональным взаимодействиям людей и предметов в практической деятельности. Знание о вещи включало в себя знание о ее происхождении, в том числе изготовлении,

¹⁰ Полторацкий А. Ф., Швырев В. С. Знак и деятельность. М.: Политиздат, 1970. С. 4–5.

более того, – делание вещи и являлось актом познания¹¹. В фольклоре вещь описывается в форме рассказа о том, как ее делали¹². Этнографы отмечают строжайшую последовательность в этапах изготовления любой вещи, требующую неукоснительного соблюдения¹³. Возможность воздействия, владения чем-либо или кем-либо обуславливалась знанием его происхождения, ‘появления’ (‘сотворения’).

В системе практических знаний понимать – значит уметь сделать, и следовательно, необходимо изучение того, что и как делал человек. Изучение практических знаний затруднено тем, что «исследователь первобытной жизни, как правило, далек от ручного физического труда, и все предметы, которыми он пользуется в своей жизни, сделаны другими людьми»¹⁴. Поэтому семантико-технологическому направлению исследований неотъемлемо принадлежит метод экспериментально-физического моделирования. В ходе физического моделирования обретаются практические знания, которые теоретическим путем получить невозможно.

ГЛАВА 3. Семантика орнаментации неолитической керамики лесной зоны Евразии. В третьей главе рассматривается методика семантико-технологического исследования применительно к изучению археологических артефактов – орнаментации древнейшей керамики.

3.1. Технология древних орнаментов

В археологии при формально-морфологическом подходе следы производственных процессов рассматриваются как технологические признаки, которые интересуют исследователей как этнокультурные показатели. При технологическом подходе археологов также интересуют следы механического и химико-термического воздействия на глину, однако последние рассматриваются не как технологические «признаки», а как «следы» навыков. Навыки понимаются как единицы информации и изучаются в структуре производственных процессов.

¹¹ Харитонович Д. Э. Средневековый мастер и его представления о вещи // Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982. С. 36.

¹² Неклюдов С. Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства М., 1972. С. 203.

¹³ Кулемзин В. М. Об использовании дерева восточными хантами // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 124.

¹⁴ Мисюгин В. М. Становление цивилизации: о вещах и представлениях. СПб., 1998. С. 17.

Экспериментальное изучение технологии орнаментации неолитической керамики уральского региона показало, что морфология орнаментального мотива зависит не только от формы рабочей части орнамента, но и от способа орнаментации: положения орудия относительно орнаментируемой поверхности и его движения. В работе, проводимой совместно с Е. А. Устиновой, для гребенчатой керамики было определено 8 способов орнаментации. Гребенчатыми штампами – аналогами археологических, найденных на древних поселениях, – удалось смоделировать не все орнаменты. Была проведена серия опытов с использованием челюстей грызунов, зайцеобразных и насекомых. В результате удалось идентифицировать орнаменты, выполненные челюстями зайца, бобра, куницы (соболя), лисицы (песца). Физическое моделирование показало широкие возможности использования челюстей животных в качестве орнаментиров. Челюстями разных животных оказалось возможным нанесение орнаментов тем или иным способом, в целом же – всеми способами, установленными для гребенчатых штампов.

Полученная в ходе физического моделирования информация представляет интерес с точки зрения генезиса технологических традиций. Гребенчатые штампы – орудия, преднамеренно изготовленные для орнаментации керамики, – сосуществовали с естественными формами. Формирование традиций гребенчатой орнаментации в уральском регионе связано, как выяснилось, с приспособлением навыков орнаментации к естественным формам орнаментов.

При физическом моделировании оказалось возможным выявление структуры навыков в технологических традициях. Удалось установить, что навыки орнаментации обнаруживают связь с навыками составления формовочных масс. Разные приемы механической обработки поверхностей предвзяли тот или иной способ орнаментации сосудов. В некоторых случаях орнамент служил для уплотнения поверхностей глиняных сосудов.

3.2. Семантико-технологический подход к изучению орнаментации древней керамики

С позиции семантико-технологического подхода навыки труда – это сфера интересов не только исторической технологии, но и исторической семантики. В исторической семантике навыки понимаются как стереотипы технологического поведения и изучаются в логике архаического мышления. Древнее гончарство, соответственно, предстает не структурой производственных задач, а последовательностью

взаимосвязанных производственных действий – умением делать горшки. В архаической культуре «орнамент вообще» создавать не умели, делали – «свой орнамент». Способ орнаментации осваивался при обучении подражанием действиям мастера, то есть формировалось не знание, а умение навыка.

Для древней керамики в Прикамье выявлены орнаменты: «челюстные» и «плетенки», выполненные гребенчатыми штампами. «Плетенки» присутствуют на керамике поселений эпохи неолита, «челюстные» представлены на керамике и энеолитических поселений. Очевидно, что хронология поселений не определяет исторический возраст рассматриваемых орнаментальных систем и семантическое соотношение этих орнаментов.

Известно, что на решение проблемы генезиса геометрического орнамента претендуют две теории – зоогенная и плектогенная. Сторонники зоогенной теории утверждают, что орнаментальные мотивы в истоках своих являются стилизованными изображениями как целых животных, так и их частей. Оппоненты усматривают происхождение орнаментальных мотивов на основе техники плетения и тканья. Другими словами, для одних исследователей приемы труда порождают формы орнаментов, для других – форма мотивов диктуется семантикой. В рамках одной из этих теорий интерпретация всех имеющихся в настоящее время фактов невозможна.

Непримиримые противоречия приверженцев разных теорий в понимании генезиса орнаментальных мотивов снимаются с позиции признания единства исторической технологии и семантики. По зоогенной теории геометрические орнаменты являются стилизованными изображениями частей зверя. У орнаментов, выполненных челюстями и костями животных, изобразительные прототипы отсутствуют, их содержание не сводится к сюжетному повествованию. Тем не менее, по семантике это зооморфные орнаменты. «Плетеные» орнаменты также воплощают в генезисе образные представления о звере. Семантическая функция ‘защиты’ связывалась со шкурой зверя. «Плетенки» не изображают, но обозначают ‘шкуру’ зверя на определенном этапе развития архаической семантики, который характеризуется исторической предметностью образов ‘тотема-зверя’ и ‘тотема-дерева’. Для познания закономерностей исторического развития орнаментации необходимо знание законов – как технологии, так и семантики. Изучение орнаментации с точки зрения единства исторической технологии и исторической семантики связано с разработкой методики как технологического, так и семантического анализа.

3.3. Семантика орудий, используемых для орнаментации керамики

В археологической литературе, согласно распространенному мнению о независимости семантики орнамента от технологии его исполнения, можно встретить утверждение, что орнамент мог наноситься любым, случайным предметом. Физическое моделирование продемонстрировало жесткую взаимосвязь орнамента с инструментом для его нанесения, опровергающую мнение, что орудием для нанесения орнамента мог служить любой, находящийся под рукой предмет. На памятниках разных археологических культур наблюдается предпочтение, отдаваемое костям определенных видов животных, рыб, птиц. Технологический анализ свидетельствует об устойчивых традициях использования определенных орнаментиров. Вместе с тем, список выявленных орудий весьма обширен: гребенчатые штампы, белемниты, аммониты, позвонки рыб, створки раковин, кости, челюсти животных. Аналогичная картина многообразия орудий вырисовывается по материалам традиционного гончарства, к примеру, в Африке (D. Drost). Архаичные орнаменты по форме совпадают с известными с палеолита «украшениями», «амулетами». В истории человеческой культуры подвески («амулеты») предшествовали появлению керамики. Не исключено, что первоначально они «украшали-охраняли» не только человека, но и докерамические сосуды. Во всяком случае, в традициях разных народов известны такого рода сосуды. Смысловое значение, можно предположить, имел не только орнамент – изображение, – но и предмет, которым наносился орнамент.

На протяжении тысячелетий по археологическим и этнографическим материалам, фольклорным текстам прослеживается семантическая значимость гребня. Лингвисты связывают индоевропейские корни слов «гребень для волос – принадлежность человеческого туалета» со значениями 'царапать, драть', 'зуб, зубчатый'. Семантическая функция гребня-челюсти сохранена обычаем многих народов подвешивать к поясу гребень, а в более древние времена – челюсти животных. Зубчатые (гребенчатые) штампы, используемые для орнаментации неолитической керамики Евразии, также восходят к челюсти зверя.

В Японии для орнаментации неолитической керамики вместо гребенчатого штампа употреблялась веревка. Семантика веревки-орнамента обусловлена широким применением веревки в быту, в том числе в создании докерамических емкостей. Вербка укрепляла, связывала, соединяла тростниковые крыши и стены домов, тем самым 'защищая' и 'оберегая' человека, подобно шкурам животных, бересте,

использовавшимся древним человеком в лесной зоне. Гребенчатый орнаментир связан с образными представлениями о звере-тотеме. В Японии мировоззрение в форме тотемизма распространения не получило, но, судя по сохранившимся фрагментам древнейших мифов, можно предположить, что веревке, подобно зверю, отводилось значимое место в мировоззренческой концепции «жизни–смерти».

Данные, полученные на основании изучения технологии орнаментации неолитических сосудов, подтверждают единство технологии и мировоззрения в древности. Слитностью, нерасчлененностью мировоззренческого и собственно технологического аспектов в процессе орнаментации определяются условия и реальный механизм выработки изобразительного языка.

ГЛАВА 4. Семантика стрелы и стрельбы из лука в обрядах и в фольклоре. В этой главе рассматриваются концептуальные различия в понимании образных смыслов и символики стрелы в обрядах.

Стрела встречается в обрядах у многих народов, и неоднократно предпринимались попытки интерпретации семантики стрелы и обрядовой стрельбы из лука. Согласно магической теории, стрельба из лука в изображении животных «имели своею целью подчинение реальных животных воле охотничьего коллектива». Многие исследователи древнейшие, восходящие к палеолиту, представления о стреле соотносят «с активным оплодотворяющим мужским началом». По мнению И. Л. Кызласова, в обрядах стрельбы из лука «выстрел, направленный в пещеру священной родовой горы, обозначал собою плодотворное соединение мужского и женского начал». Н. И. Веселовский, напротив, утверждал, что стрела как острый, колющий предмет наводит страх на злого духа. «В этом единственно и заключается свойство стрелы и ее значение в обрядах, ничего другого в ней нет ни человеческой души, ни плодородия, ни тем более любви, только один страх». А. В. Шмидт, интерпретируя находки стрел на горе Елбач, считал, «что Елбач была некогда «священной» скалой, в которую плывшие по реке стреляли из луков или, чтобы испугать губительное божество-скалу, или, чтобы его умиловать стрелами-дарами». Семантика стрелы сводилась, соответственно, к символике любви или оберега. Стрела рассматривалась и как амбивалентный символ, описываемый в бинарных оппозициях: жизнь / плодородие / здоровье – смерть / бесплодие / болезнь, отражающий двоичный принцип архаических классификаций. При всех различиях в интерпретациях, не

вызывала сомнений возможность выявления единой, не изменяемой со временем, символики стрелы. Другими словами, не предпринималось исторического изучения семантики стрелы.

В исторической семантике стрела и обрядовая стрельба из лука рассматриваются в системе архаических образных смыслов. Для понимания обрядовых функций стрелы (что в обрядах «делала» стрела, чем «являлась») привлекаются семантические эквиваленты стрелы.

4.1. Стрела и новорожденный

В обрядах одинаковые со стрелой ритуальные действия производились с различными, замещающими стрелу предметами. Кроме стрелы, в люльку с новорожденным клали или привешивали к люльке предметы, которые могут быть объединены в три группы «привесок»: I группа – части зверя, птиц, рыб, пресмыкающихся; II группа – бусы, раковины; III группа включает наряду со стрелой (луком, колчаном, са-мострелом) нож (ножницы), веретено (пряслице), иглу.

Предметы первой группы, согласно этнографическим материалам, являются частями зверей-тотемов (атрибутами покровителей-предков), в которых концентрировалась их 'жизненная сила' ('душа'). Стадильными эквивалентами частей зверя-тотема, его шкуры предстают ветки (прутья), стружки, кора родовых деревьев.

Вторая группа предметов – бусы, раковины восходят к привескам из костей животных, плодам, семенам растений. Древнейшие бусы представляли собой зубы, когти, кости животных или их имитации из камня. Бусы сохраняют семантическую функцию частей тотемов – заключают в себе 'жизненную силу' ('жизнь', 'душу'); вместе с тем, они уже отражают также смыслы II образной системы – 'красоты', 'плодородия'. Бусы, в отличие от стрел, вешают на люльку девочкам.

В третьей группе – острые и колющие предметы: стрела (лук), нож (меч, кинжал), веретено, ножницы, игла, апотропеическая символика которых казалась Веселовскому очевидной. Исторический анализ семантики этих предметов подводит к выводу, что на языке образов – это 'хранилища души' новорожденного. Слитность формы-функции в архаическом сознании объясняет представление, что душа ('жизненная сила') в предметах-оберегах не только пассивно хранится, но имеет также возможность активно действовать, согласно этой форме. Оберег: стрела, рог, коготь, клык – 'хранилище души' – не только прячет, скрывает душу, но и является орудием нападения. Пребывая в звериной ипостаси, в клыках, в когтях, в «острых предметах» 'душа' способна 'вгрызаться', 'раздирать', 'пронзать'.

Привески всех трех групп являются семантическими эквивалентами. Единой семантике привесок соответствовало образное понятие 'хранилищ жизненной силы' ('души'). Если привески I группы (части тотемов) – 'вместилища (изображения) родовых покровителей', то привески II и III групп, стрела в частности, согласно фольклорным материалам, заключают в себе 'души новорожденных'. Тем не менее, все привески – это 'вместилища (хранилища)' 'души' рода: 'у вновь появившегося на свет' и тотемного предка одна 'душа'. Новорожденный мыслится 'вновь явившимся предком'.

4.2. Стрела – 'дар' умершим, предкам

По тотемическим воззрениям, ребенка получают от родовых предков. Для рождения в роде необходимо поглощение тотема (его части). Но для возрождения, увеличения рода также необходимо жертвоприношение – 'кормление' предков-тотемов ('богов'). Стрела, ее семантические эквиваленты выступают как 'жертва-дар' равно 'пища' предков. 'Жертву-дар' приносили предкам-покровителям, ожидая ответного 'дара'. 'Дар' обуславливает 'антидар' – 'возвращение дара', наделение 'жизнью'.

4.3. Стрела в погребальных обрядах

Семантика стрелы как 'вместилища жизненной силы' равно 'воплощения души' находит проявление и в погребальных обрядах 'возвращения стрелой души умершего'. Наряду со стрелой воплощениями 'души' умершего являются цветы, ветки, камни. Семантические варианты представляют собой обряды выпуска стрел, бросания камней 'для пробуждения жизни', 'оживления'.

Стрела должна уйти из рода 'на тот свет' прежде чем она 'переселится в потомка'. Стрелу ломали, чтобы 'освободить душу' для переселения ее в иной мир. Разламывание лука, стрел происходит на 'границе миров' – на меже, могиле.

4.4. 'Брачная стрела' и невеста

'Брачная стрела' в обрядах замещает отсутствующего жениха, в архаических воззрениях связана с зачатием ребенка. 'Брачная стрела (душа предка-новорожденного)' прилетает с 'того света'. У разных народов традиция наиболее строго определяла головной убор и прическу девушек-невест и женщин детородного возраста. Стрела, стреловидные подвески в головном уборе, волосах наделяли продолжательницу рода 'жизненной силой'. При патрилинейном счете родства 'брачная стрела'

принадлежала роду жениха. При матрилинейном счете родства невеста получала 'новую жизнь' от родовых предков, приходила в дом жениха со 'стрелой' – 'даром' своего рода.

4.5. Поднимание стрелой покрывала новобрачной

Обычай сокрытия лица невесты связан с архаическими представлениями о необходимости изоляции ('скрывания') девушки перед ее замужеством – пребыванием ее 'в ином мире'. Жених и невеста, будучи представителями 'этого' и 'того' света, взаимно не видят друг друга. Невесту открывают ('являют на свет'), благословляют – произносят формулы 'счастья–богатства потомством, скотом' либо дядя со стороны матери невесты, либо мать, отец жениха, либо дружка, но не жених. Покрывало с новобрачной снимают стрелой (копьем, кинжалом, дулом ружья), а также ветвью, палкой, кнутовищем, рогачом (ухватом), пирогом. Жених получает невесту, 'полную жизни', но в этом усматривается угроза 'жизненной силе' жениха.

4.6. Семантика архаической стрелы

В родильных, погребальных и свадебных обрядах одинаковые действия производили с предметами, являющимися по отношению друг к другу семантическими эквивалентами. Предметы, замещающие в обрядах стрелу, соответствуют стадийным типам образов. Образы 'зверь', 'дерево', 'гора' относятся к I семантической (тотемической) системе. Рог (клык, коготь) связаны с образом 'Зверя', ветка (плод, семя) – с 'Деревом', камень – с 'Торой'. К этому же ряду, судя по фольклорным материалам, относится и луч 'Солнца'. Но с лучом – 'сыном' Солнца стрела соотносится уже на космологической стадии развития представлений.

Семантические эквиваленты стрелы являются не просто частями, замещающими целый образ (*pars pro toto*), они представляются сосредоточением его жизненной силы, на языке образов – это 'ребенок': рог, коготь – Зверя, плод, ветка – Деревя, камень – Горы, луч – Солнца.

Тотемические представления о двух ипостасях: звериной и человеческой, рождении и смерти как 'уходе–приходе' в род сменяют стадийно более поздние воззрения о 'возрождении через поглощение'. Зачатие связывалось с 'поглощением' – попаданием 'ребенка' в женское чрево. Женское чрево мыслилось временным местопребыванием 'жизненной силы', 'тотемического предка', 'родовой души'. В повседневной жизни женщине 'связь' с тотемом непозволительна, но при получении потомства соприкосновение со 'стрелой рода' (ее семантическими эквивалентами) считалось необходимым.

Стрела в космологической системе образов уже не 'стрела рода' (часть зверя-тотема). Боевая, металлическая стрела связана с образом 'Сына Верховного (Небесного) божества'. Боевая стрела служила воплощением их 'жизненной силы'. В противоположность 'Отцам', несотворенным, существующим изначально (со времени отделения Неба от Земли), 'Сыновья' имеют отца и мать. На женщин налагался строжайший запрет относительно «бога мужчин». Прикосновение девочек, женщин к оружию мужчин «оскверняет», лишает его силы. Это воззрение нашло отражение в обычае вешать стрелу исключительно на люльку мальчика. Но стрела по-прежнему обеспечивает плодородие невесты, помогает роженицам при родах.

Космологический мировоззренческий универсум по структуре отличен от тотемического. Будущему миру Добра и Зла предшествует "Отделение Неба от Земли", их оппозиция. В эпосе, соответственно, – появление брачного соперника, противника героя, богатырское сватовство и борьба за невесту. Свадебные обряды представляют разностадиальные варианты. Образным смыслом I семантической системы соответствует вариант получения женихом невесты, 'полной жизненных сил' ее рода, с чем связан обычай возвращения новобрачной до рождения ребенка в дом родителей. В другом варианте обрядов, отражающих образные смыслы II семантической системы, прослеживается мотив «опасности невесты для жениха». Браку предшествует 'очищение невесты' – 'изгнание добрачного мужа'. В свадебных обрядах трансформация семантики, связанная с изменением концепции жизни–смерти, проявляется наиболее отчетливо. Родильные обряды дольше сохраняют тотемические смыслы, которые передаются традициями в виде обычаев, суеверий, как правило, в женской сфере, однако стрельба из лука, сопровождающая рождение мальчика, включает в себе уже новые смыслы.

4.7. Стрельба из лука в кольцо невесты

В мировом фольклоре широко распространен мотив – «Стрельба из лука в кольцо (ожерелье) невесты». Соответственно пониманию стрелы как фаллического символа в стрельбе в кольцо невесты принято усматривать символику соединения мужского и женского начал. В состязаниях жених, попадая в кольцо, ожерелье, демонстрирует тем самым, что достоин быть женихом, и что он является 'суженым' невесты. Перстень либо ожерелье невесты служат мишенью для стрельбы. Исследователи отмечают «почти универсально распространенную связь круга и других круглых форм с женским началом». Между тем, браслеты, кольца присущи не только женским, но и мужским божествам. С кругом

в архаических традициях связаны представления о солнце. Круг с точкой в центре – это знак не только «Солнце / Небо», но и «глаз». Глаз, как и солнечный луч, считался «подателем жизни». Вместе с тем, известен мифологический мотив «смертоносного взгляда». Глаз / око / окно входят в один семантический ряд с источником, соотносящимся с 'входом / выходом' в иной мир.

Обряд стрельбы в кольцо невесты, полагаю, является семантической параллелью мифологическому сюжету о Змееборстве (II семантическая система). Заметим, что Змей (Дракон), располагается у входа / выхода в Иной мир и взаимосвязан (взаимодействует) со всеми рассматриваемыми образами. Семантический ряд: глаз – источник / кольцо – невеста / Змей проясняет смыслы мифологем: «источник и Змей», «Змей запирает плодородие». Змей находится рядом с «Евой» и яблоком, он и у кольца-перстня («круга» – «врат жизни») невесты. Образ Змея, воплощающего мужскую часть рода невесты, усложняет архаический смысл 'плодородия', «женскую» символику кольца.

'Злые духи' ('добрачные мужья' невесты) связаны с трансформацией представлений о зачатии в космологической образной системе. 'Добрачные мужья' – зооморфные (комбинированные) образы «надтотемы» – обнаруживают типологическое сходство. Все они так ли иначе связаны с небом, небесной влагой, обладают чертами земноводных животных, являются 'прародителями'. Былое родство с тотемическими предками сменяет 'связь' с надтотемами. Если, по тотемическим воззрениям, деторождение связывалось со смертью тотема – 'получением его жизни', то по космологическим представлениям, для 'обеспечения плодородия' необходимо убийство Змея, 'запирающего плодородие'.

Противником Змея выступает 'Сын' – юный, 'вновь рожденный' (прошедший инициацию) юноша, молодой, неженатый воин. 'Сын' – носитель неизрасходованной 'мужской силы'. Сыновья-женихи – обладатели мужской силы Неба-отца и дочери-невесты с хтонической силой Земли-матери. Стрельбой знаменуется изгнание 'добрачных мужей' – соперников жениха равно 'очищение' невесты.

4.8. Стрела в ряду фаллических символов

Фаллическая символика объединяет стрелу с предметами, отнюдь не являющимися оружием мужчин. Если рассматривать семантические эквиваленты в тотемической системе образов, к примеру, рог и стрелу, то очевидно, что за "фаллической символикой" стрелы скрыт образ ребенка. Позднее, на космологической стадии развития архаической семантики, рог и стрела принадлежат уже иной – «мужской» системе образов.

4.9. Почитание лука и стрел

У разных народов отмечено почитание лука и стрел. Искусные охотники получают оружие от тотемных предков. 'Сын' небесного божества – родоначальник людей, приносит лук с неба. Стрела, используемая в обрядах без лука, выступает носителем семантических смыслов I образной (тотемической) системы. Семантика боевого лука раскрывается в космологической системе образов, когда лук из приспособления для метания стрел превращается в грозное оружие богатырей и богов. Боевая стрела служила воплощением 'жизненной силы' воинов – 'сыновей' Небесного божества. У эпического героя, по праву 'сына божества', оружие «необычайной силы».

4.10. Состязания в стрельбе из лука

Образные смыслы состязаний в стрельбе из лука принадлежат II семантической системе. Состязания в меткости стрельбы из лука сопровождали жертвоприношения, свадебные и погребальные обряды. По семантике, ритуальная стрельба представляет собой испытание, выявляющее 'сильнейшего' претендента, 'достойного' жениться на принцессе, имеющего сакральное право на престол, занятие высокой государственной должности. В состязаниях публично демонстрируются 'сила', 'зоркость' стрелка, свидетельствующие, что он 'истинный' преемник качеств, свойств Великого предка (божественного предка). Ритуальной стрельбой из лука демонстрируется 'сила' правителя, осуществляется выбор вождей, кандидатов на государственные должности. На поле боя выказывается 'доблесть', добываются 'слава', 'честь'.

Меткость выстрела семантически соответствует 'связи' претендента с божественными предками, что определяет его сакральные права. Напротив, не попасть, промахнуться при стрельбе означает лишиться земли-урожая, должности, руки принцессы, а потому и царства, в сказочном варианте – лишиться головы.

4.11. Стрела в образной лексике

В разных языках лексика, связанная со стрелой, подтверждает в целом выводы о семантике стрелы, сделанные на основании изучения обрядов и фольклора. Используемые в этнографии понятия «оберег», «магическое воздействие» не соответствуют полному объему содержания архаических образных представлений о стреле. Архаическая семантика стрелы не исчерпывается и универсальным для современной культуры

символом любви – «стрела, пронзающая сердце». Амбивалентность стрелы 'возрождающей' и вместе с тем 'убивающей' находит объяснение в архаической концепции жизни–смерти.

ГЛАВА 5. Образная традиция в орнаментальном искусстве обских угров. В пятой главе в центре внимания – преемственность образной семантики, нашедшей отражение в археологическом и традиционном орнаменте. История отдельных орнаментальных мотивов обских угров уходит, по мнению археологов и этнографов, в глубину тысячелетий, при этом отмечались и существенные изменения, которые произошли в орнаменте.

5.1. Два подхода к изучению орнамента

В первом параграфе обсуждаются принципиальные отличия двух подходов к изучению орнамента: с позиции логики теоретического знания и с точки зрения традиционного образного мышления. В искусствоведческом анализе традиционных орнаментов применение номинативного метода оказалось малоэффективным, так как выяснилось, что во многих случаях названия и формы мотивов не соответствуют друг другу. Названия орнаментов исследователи, как правило, связывают с индивидуальным восприятием узоров и полагают, что «истинный смысл орнаментальных мотивов забыт». Вместе с тем, многочисленные материалы, собранные этнографами, свидетельствуют, что в разных традициях за геометрическими формами орнаментальных мотивов скрывается мир образов, этнографам зачастую недоступный.

При изучении генезиса орнамента учитывались в первую очередь формы орнаментальных мотивов. Т. А. Молдановой удалось установить в ходе изучения орнаментального искусства обских угров, что традиционные названия орнаментов достаточно устойчивы и могут анализироваться самостоятельно. Т. А. Молданова показала в своем исследовании, что «большинство названий – это некие застывшие словесные образы культуры». Но мировоззренческий смысл этих образов непонятен и требуется реконструкция семантики традиционных народных представлений.

5.2. Методологические принципы семантических реконструкций

Во втором параграфе рассматриваются теоретические основания разных подходов к изучению семантики орнаментов. Среди этнографов распространенным является мнение о символическом содержании

народных представлений. Т. А. Молданова в реконструкции семантики орнаментов опирается на теоретические положения семиотики. Согласно Т. А. Молдановой, в основе религиозно-мифологических представлений обских угров, а также устойчивых фольклорных и бытовых выражений – одна и та же система представлений о мире, то есть мировоззренческая «Картина мира». Передача глубинных символических значений орнамента, интерпретируемых Т. А. Молдановой с позиции теории архетипов К. Г. Юнга, осуществляется на подсознательном уровне. Традиционное мышление понимается как ассоциативное. Однако, исследуя орнаментальную лексику в контексте представлений хантыйских мастериц об орнаменте, Т. А. Молданова выходит за рамки структурно-семиотического подхода. Изучение семантических связей между орнаментальными формами и образными представлениями хантов направлено, по сути, на разработку проблем исторической семантики – видения (понимания) орнамента его создателями. Тем не менее, обращение к семантике орнаментов обских угров с позиции исторической семантики с привлечением новых археологических материалов позволяет сделать уточнение и дополнение выводов Т. А. Молдановой. Орнаментальное искусство не без основания признается одним из наиболее устойчивых компонентов традиционных культур. Возможно, на протяжении тысячелетий сохраняются не только изобразительные формы, но и образные понятия, с ними связанные. Для выяснения этого предположения была предпринята попытка увидеть в археологическом материале реалии, соответствующие тем представлениям, которые нашли отражение в образной орнаментальной лексике и в символике угорского орнамента.

5.3. Гравированные изображения на мезолитических наконечниках

В этом параграфе орнаментальные мотивы обских угров сопоставляются с орнаментами на мезолитических наконечниках стрел из культовой пещеры Камень Дыроватый на реке Чусовой, хранящихся в Государственном Эрмитаже. Этнографы неоднократно обращались к археологическому материалу, однако мезолитический орнамент до сих пор не привлекал к себе внимания этнографов, изучающих угорское искусство.

По Т. А. Молдановой, у хантов «в основе орнаментальной системы находятся два основных понятия: пант “след” и хур “изображение”». Для стилизованных изображений имеются материальные прототипы. Т. А. Молдановой установлено, что «в истоках происхождения

стилизованных изображений животных (хур), кроме оленя, находится распластанная шкура с головой медведя». Понятие *хур*, очевидно, связано с обрядами жертвоприношений почитаемых животных.

Семантику понятия «*пант*» – «след» Т. А. Молданова связывает с охотничьим мировоззрением, нацеленным на добычу зверя: «в практической жизни след зверя, его обнаружение – это почти обязательно добыча, следовательно, сытость, благополучие. Поэтому в мировоззрении охотников след священен, он сакрален». По Т. А. Молдановой, «изображение следа медведя есть сам медведь, они тождественны». Восприятие следа в традиционных культурах конкретное, а не символическое. Остается неясным, почему *пант* (след) – это прямая линия и зигзаг.

На мезолитических наконечниках стрел линии и зигзаги – это основные орнаментальные мотивы. Варианты линий многообразны: прямые, сдвоенные, волнистые, «с ресничками» и т. д. Часто на наконечниках присутствует «извилистая» линия, подобная «сюкане» – линии, изображаемой в центре стилизованных изображений у хантов, которая считается признаком живого существа. Зигзаги бывают одинарные, двойные, встречаются и отмеченные у хантов – «зигзаг в промежутке между двумя ограничительными линиями» и «зигзаг с отrostками».

На наконечниках выделено 4 варианта гравированных изображений: «композиции», «орнаменты», «знаки-метки» и «граффити».

Композиции – это волнистые, прямые или ломаные линии, зигзаги, в том числе «зигзаги с отrostками», вытянутые вдоль наконечников, имеющие на своем протяжении разрывы – как бы «воротца», в которых размещены различные фигуры в виде прямоугольников, шестигранников, неправильных овалов, ромбов и т. д. В подобных гравировках В. Н. Чернецов усматривал изображения реально существовавших в прошлом охотничьих засек и ловчих ям, подобно устраиваемым манси на горных проходах и берегах рек – на путях ежегодных миграций лосей и косуль с западных склонов Урала на восточные. Он полагал, что изображения наносились во время сезонных обрядов с целью привлечения в ловушки добычи и размножения зверей. Семантика гравировок определяла обряды, сулившие охотничью удачу.

В мировоззрении древних охотников зверь был не только добычей («сытостью»). В архаических воззрениях обрядовые действия, направленные на размножение животных, взаимосвязаны с воспроизводством людей. «Жизнь–смерть» тотема мыслились неотделимыми от человеческого коллектива. По уходящим в глубокую древность представлениям,

для 'возрождения рода' считалась необходимой смерть предка-тотема. На оборотной стороне одного наконечника на месте «ловчих ям» изображены антропоморфные фигуры. Этот рисунок косвенно подтверждает предположение о том, что семантика мезолитических орнаментов связана с образными представлениями о рождении ребенка – возвращении тотема в род в антропоморфной ипостаси.

Архаичное значение 'жизни', 'жизненного пути' как 'следа', 'тропы' сохранено образной лексикой разных традиций. По Т. А. Молдановой, у хантыйских мастериц слово *пант* имеет значение не только 'след', но и 'путь'. Образное понятие «след-путь» связано с представлениями о жизни-смерти. В русской традиции: жизнь прожить – это оставить след на земле. Жизнь – это 'путь', а смерть – 'уход'.

Изображения охотничьих загородей, ям на наконечниках стрел определяют первичное значение «следа-пути» зверя в архаической концепции «жизни-смерти». Будущие абстрактные понятия имеют еще конкретное (предметное) воплощение. Орнамент не обособился от обрядовых действий. По Чернецову, «смысловой акцент приходился не на рисунок, а на его изготовление и сопровождающие обряды». Тотемическая концепция «жизни-смерти» / «смерти-возрождения» объединяла промысел зверя, обрядовые действия, включающие нанесение изображений, жертвоприношения, смерть, рождение ребенка в единый культурный универсум.

В мезолите зарождается знаковая система, выражающая мировоззренческую концепцию бытия. Реальные загороды и ловчие ямы, представленные в рисунках на мезолитических наконечниках волнистой и сдвоенной линиями, зигзагом и фигурами, тяготеющими к квадрату (ромбу), обретают значение пути-следа зверя, тропы 'жизни', ведущей к 'смерти' – жертвоприношению животного. На изображениях родовых предков манси этнографы отмечают так называемую линию жизни – неясного происхождения знак в виде прямой линии, заканчивающейся ромбом. «Линия жизни» в символике традиционного искусства обских угров, по-видимому, восходит к образным представлениям эпохи мезолита.

Композиции характеризуются технико-морфологическим многообразием вариантов, одни гравировки тяготеют к рисунку, другие – к орнаментальным мотивам. В орнаментальные композиции могут включаться естественные углубления кости. За вариательностью, тем не менее, скрывается смысловое единство композиций.

Орнаменты, представляющие собой гравированные, закрашенные охрой линии, отличаются от композиций расположением на

наконечниках. Орнаменты, наносимые по краю лезвия пера наконечника, можно предположить, выполняли 'защитную' функцию. Орнамент на вкладышевых наконечниках вдоль пазов 'укреплял' кремневые вкладыши в наконечнике, 'охранял' край паза. Спиралевидный орнамент или орнамент в виде косо́го креста «заме́нял» обмотку, 'укреплял' черенок наконечника и место соединения его с древком.

Знаки-метки по морфологии сходны с орнаментальными мотивами, но отличаются обособленным расположением. Центральное положение на наконечниках занимают «тамгообразные» знаки. Некоторые из них находят аналогии в тамгах обских угров. Возможно, к эпохе мезолита восходит генезис некоторых знаков, известных у народов Сибири как тамги (знамена, пас'ы). Соотношение этих знаков и орнаментальных мотивов остается малоизученным. Л. С. Грибова обратила внимание на то, что в изобразительном искусстве коми «некоторые из пас'ов при повторении на одном и том же предмете превращались в орнамент». Это же наблюдается и на наконечниках стрел: мотивы, из которых составлялся орнамент, выступают то как отдельные знаки, то как части орнамента.

Граффити – объединяют рисунки, выполненные тонкими, неясной конфигурации или беспорядочно расположенными гравированными, окрашенными охрой линиями. В эту группу включены также охристые пятна – небольшие участки поверхности наконечника, которые дополнительно процарапывались резцом.

Линии, наносимые резцом, закрашивались охрой, которая, возможно, замешивалась на крови. Определенные аналогии этому прослеживаются в татуировке остяков и вогулов. По данным А. Каннисто, среди узоров, наносимых на руках, на груди или на ногах, наряду с орнаментальными мотивами, четырехугольником, крестом наиболее часто встречается прямая линия, либо две и более параллельные линии, которые, как считалось, наносились с лечебной целью. Многие авторы указывали на связь татуировки с тамгами обских угров.

Анализ орнаментации мезолитических наконечников стрел показал, что разделение орнаментов на четыре группы в значительной мере условно: тамгообразные знаки связаны с первой группой изображений, граффити тяготеют к орнаментам, «укрепляющим» наконечник. По сути, есть только две группы орнаментов – с «линией жизни» и «укрепляющие» наконечник. Заслуживает внимания, что и хантыйские мастерицы различают узоры с изображением 'жизненной силы' и узоры – 'пустые', несущие защитную, охранительную функцию.

5.4. Семантика образных понятий в орнаментальной лексике обских угров

У хантыйских мастериц *зигзаг*, как и *прямая линия*, – это «след» (пант). Но если, по семантике, *прямая линия* – «след» – соответствует 'линии жизни', то что означает «след» – *зигзаг*? Т. А. Молдановой семантика *зигзага* интерпретируется как 'граница', 'барьер', 'застава' у 'входа-выхода' в Иной мир. Такое «прочтение» семантики *зигзага* не проясняет, почему граница изображается ломаной линией – *зигзагом*. Орнаментальная лексика хантыйских мастериц акцентирует и другой аспект семантики. Т. А. Молданова, выясняя смысл *зигзагообразного* орнамента, «натолкнулась на некое отождествление “ветвистого *зигзага*” с ветвистым деревом». У обских угров «*нув* “ветка (сук)” лежит в основе непрерывных бордюров»; «какой бы сложности ни был элемент, отходящий от стороны *зигзага*, он всегда “ветка”». Мною было высказано предположение, что материальным прототипом для образного понятия *зигзаг* послужила ветка дерева с почками. В месте закладывания почки ветка обретает естественный изгиб. Ветви ('потомство') укрепляют родовое дерево. Возможно, поэтому хантыйские мастерицы считают, что «чем “ветвистее *зигзаг*” – тем больше в нем жизни».

Устойчивые названия зафиксированы для орнаментального мотива «*уголок на зигзаге*». «*Уголок*» называют “маленькая березовая ветвь”, “уши маленького зайца”. Варианты названий «*уголка*», возможно, имеют отношение к одному образу. У манси заяц считается одной из ипостасей богини Калтащ, ханты связывают Калтащ с березой. Образные понятия 'изобилие', 'потомство' определяют Калтащ в ипостасях зайчихи и березы. Зайчиху, известную своей плодовитостью, объединяет с деревом-тотемом функция наделения потомством. Уши являются знаком головы зайчихи, знак такой же формы обозначает развилку дерева. Символика развилки дерева «как женского родящего органа» отмечена в разных традициях. Такое же положение, как и «*уголок*» занимает в орнаментах хантов «*ромб*». Ромб на треугольном основании во всех группах обских угров именуется «головка». Знак ромба соответствует, как показывает анализ образной лексики, архаическим понятиям: 'предок-прародитель', 'вместилище жизненной силы (новой жизни)', 'жизненный центр' и 'потомок'. В орнаментах обских угров «те или иные мотивы “салятся” на линию из *треугольников*». Орнаментальная лексика свидетельствует о схождении семантики ромба и треугольника. Знаки 'уголок', 'ромб', 'треугольник' отражают образные понятия с пересекающимися семантическими полями: «развилка дерева», «голова – 'жизненный центр' – чрево».

Семантику орнамента обских угров определяет, полагаю, архаическая концепция «жизни–смерти». Т. А. Молдановой отмечено, что у хантов «по сей день актуально все, что связано с рождением и смертью; предметы, имеющие отношение к этим сторонам бытия, или интимны или сакральны». Орнаменты на «интимных» вещах – «сакральны», так как восходят, риску утверждать, к архаической мировоззренческой концепции «жизни–смерти». Концепция «жизни–смерти», зарождающаяся в эпоху палеолита, обнаруживает себя на протяжении тысячелетий в глубинных смыслах мировоззрения традиционных культур.

В «Заключении» подводятся основные итоги диссертационной работы. Исследование оказалось сложным по составу и строению. Вопросы, рассматриваемые в отдельных главах, связаны, тем не менее, с общей проблематикой, и работа в целом представляет собой единое, хотя и расчлененное на отдельные части, исследование. Две первые главы посвящены проблеме формирования исторической семантики в качестве культурологической науки. Последние три главы могли бы рассматриваться как примеры, иллюстрирующие основные положения исторической семантики. Вместе с тем, на основании проведенных исследований выявлен и новый семантический пласт архаических артефактов. Выяснилось, что предметы, которые служили подвесками-оберегами и орудиями для нанесения на древние глиняные сосуды орнаментов, являются семантическими эквивалентами стрелы. Предметы, используемые как орнаменты, применялись и как орудия для татуировки, наносимой и острием стрелы в том числе. Древние сосуды «украшались» подвесками-оберегами, известен также обычай привязывания к сосуду «для плодородия» стрелы. Символика «возрождающей» стрелы восходит к первобытной концепции «жизни–смерти». В заключении высказано предположение, что мировоззренческая концепция «жизни–смерти», отвечающая на вопрос, в чем смысл человеческого бытия, универсальна, по-видимому, для человеческой культуры, при всех исторически конкретных вариантах ее проявления у разных народов.

Список работ, опубликованных по теме исследования

Статьи в рецензируемых журналах, входящих в перечень ВАК:

1. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // Российская археология. № 2. 1995. С. 69–83 (соавтор Е. А. Устинова / Гаджиева).
2. Изображение головы лосихи из коллекции «Шигирские древности» // Уральский исторический вестник. № 15. Екатеринбург, 2006. С. 98–105.
3. Семантический подход в изучении технологии древней керамики // Российская археология. № 3. 2010. С. 193–196.
4. Веревка в орнаментации дзёмонской керамики // Вести. № 16. СПб., 2010. С. 38–43.
5. Историческая семантика как предмет изучения в культурологии // Этносоциум. № 3. 2010. С. 19–29.
6. Концепция жизни-смерти в сакральном пространстве архаической культуры // Вопросы культурологии. № 5. 2011. С. 54–59.
7. Н. Я. Марр и гуманитарное знание // Обсерватория культуры. № 2. 2011. С. 108–115.
8. Мифологическое мышление // Этносоциум. № 5. 2011. С. 29–35.
9. Лидер в архаическом обществе // Этносоциум. № 5. 2011. С. 36–42.

Монография и раздел в коллективной монографии:

10. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2009. 272 с.
11. Технологический навык и семантика // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография – гл. 7.2). Самара: Изд-во Сам ГПУ, 1999. С. 212–219.

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

12. Орнаментация керамики волго-камского неолита // Советская археология. № 4. 1974. С. 170–179.
13. Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 20. Л., 1979. С. 5–27.
14. Les chasseurs-pêcheurs du nord et la Sibérie // Avant les Scythes préhistoire de l'art en U.R.S.S. Paris, 1979. P. 53–73 (соавтор А. М. Микляев).
15. Системный подход в изучении орнаментации гребенчатой керамики Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. Свердловск, 1981. С. 41–43.
16. О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур // Сообщения Государственного Эрмитажа. XLIX. Л., 1984. С. 33–35.
17. Поздненеолитическая керамика I Саузовского поселения (к вопросу о трансформации культуры камского неолита при переходе к эпохе металла) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 25. 1984. С. 24–30.
18. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики по материалам неолитических памятников Полуденка I и Хуторская стоянка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. 1988. С. 5–17 (соавтор Е. А. Устинова).
19. Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона: Материалы и исследования // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 30. 1990. С. 7–19 (соавтор Е. А. Устинова).

20. Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. Памяти Л. П. Хлобыстина: Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993. С. 83–94 (соавтор Е. А. Гаджиева).
21. Стрела в обряде (Методический аспект) // Вещь в контексте культуры: Материалы научной конференции. Февраль 1994. СПб., 1994. С. 100–101.
22. *Emploi de mâchoires animales pour la décoration de céramiques anciennes* // *L'Anthropologie*, (Paris). Т. 100 (1995). № 4. Р. 663–679 (соавтор Е. А. Гаджиева).
23. Технологический подход в изучении орнаментации неолитической керамики // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Доклады научной конференции (20.03.95 – 22.03.95). Ч. II. Омск, 1995. С. 33–37.
24. Принципы функционально-технологического подхода в семантических исследованиях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. 1995. С. 7–12.
25. К вопросу о семантике адаптации чужеродных предметов в культуре // Чужая вещь в культуре: Материалы научной конференции. Октябрь–ноябрь 1995. СПб., 1995. С. 7–9.
26. Орнаментация сосуда Скрабы III // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 293–296.
27. Образные представления о звере и изобразительность // Животные и растения в мифоритуальных системах: Материалы научной конференции. Октябрь 1996. СПб., 1996. С. 8–10.
28. Ритуальный сосуд удэгейцев в археологическом аспекте // Развитие культуры в каменном веке: Краткое содержание докладов на Международной конференции, посвященной 100-летию Отдела археологии МАЭ. СПб., 1997. С. 153–155.
29. Оппозиция культурное / природное в археологии и культурологии (Функции предметов естественного происхождения в археологической культуре. Вопросы методологии и теории первобытной культуры) // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 11–20.
30. Функционально-технологический подход // Теория и методология архайки // I. Своя и чужие культуры: возможные подходы к изучению: Материалы теоретического семинара. СПб., 1998. С. 21–27.
31. Семантика и технология древних орнаментов // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 116–123.
32. Тотем в структуре образного мышления // Теория и методология архайки. II. Сознание. Искусство. Образ: Материалы теоретического семинара. СПб., 1998. С. 96–105.
33. Архаические образы как типологические универсалии // Международная конференция по первобытному искусству 3–8 августа 1998: Труды. Т. I. Кемерово, 1999. С. 207–211.
34. Образ и семантика // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 34. СПб., 1999. С. 208–218.
35. Зверь-тотем в типологии образов // Теория и методология архайки: Материалы теоретического семинара. Вып. 2. I. Тотемизм, концепции и реальность. СПб., 2000. С. 55–64.
36. Веревоочный орнамент в неолите (О соотношении понятий «археологическая культура» и «технологическая традиция») // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 263–267.

37. Крестообразные знаки в изобразительной деятельности палеантропов // Археология в пути или путь археолога: К 80-летию профессора А. Д. Столяра. Ч. 2. СПб., 2001. С. 54–56.
38. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 241–247.
39. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 248–256 (соавтор Е. Л. Костылева).
40. Стрела в архаике (образная лексика) // Теория и методология архаики. II. Что такое архаика?: Материалы теоретического семинара. Вып. 3. СПб. 2003. С. 123–136.
41. Саузовская I стоянка // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. Пермь, 2003. С. 11–30 (соавтор О. Н. Бадер).
42. Структурированность потестарного общества в семантическом аспекте // Теория и методология архаики. I. Стратиграфия культуры: Материалы теоретического семинара. Вып. 3. СПб., 2003. С. 71–78.
43. Орнаменты на мезолитических наконечниках стрел из пещеры «Камень Дыроватый» // XVI Уральское археологическое совещание: Материалы международной конференции. 6–10 октября 2003. Пермь, 2003. С. 200–201.
44. Некоторые параллели в орнаментации мезолитических наконечников стрел и наскальных изображений Урала // Проблемы историко-культурного развития археологических и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции: К 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. Томск, 2005. С. 154–155.
45. Гравированные орнаменты на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на реке Чусовой // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: Сб. докладов. СПб., 2005. С. 55–63.
46. Об использовании этнографических источников в археологических реконструкциях // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Тверь, 2006. С. 16–18.
47. О шестовидных петроглифах Онежского озера // In situ: К 85-летию А. Д. Столяра. СПб., 2006. С. 329–334.
48. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Тверь, 2006. С. 393–402.
49. Мезолитический субстрат в орнаментальном искусстве обских утров // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 106–124.
50. Орнаментальные «знаки-метки» и «граффити» на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой // Тверской археологический сборник. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 351–372.
51. Шигирские древности в собраниях Свердловского областного краеведческого музея и Государственного Эрмитажа. Археологический сборник. Вып. 38: Материалы и исследования по археологии Евразии. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. С. 8–22 (соавторы: С. Н. Савченко, М. Г. Жилин).
52. Историко-культурный и семантико-технологический подходы в изучении технологии древней керамики // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 42–45.

Подписано в печать 31.10.2011. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 2,5. Тир. 100 экз.
Заказ 64

Отпечатано в типографии Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34